
КОММУНИКАЦИЯ — УСЛОВИЕ ПЕРЕДАЧИ ЗНАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ VIM-ТЕХНОЛОГИЙ*

А.Н. Павленко

Отдел логики и эпистемологии
Институт философии РАН
ул. Волхонка, 14, Москва, Россия, 119991

В работе анализируется связь процесса коммуникации с рациональными процедурами. Показано, что благодаря рациональной составляющей «коммуникативный процесс» не осознается на обычном уровне как процесс регулируемый и управляемый. В связи с этим вводится специальный термин «VIM-технология» — технология, «принуждающая» участника коммуникации принимать строго определенную информацию. Применение VIM-технологий позволяет выделить в коммуникативном сообществе ту группу, которая вырабатывает информацию с заранее заданными свойствами, и ту группу, которая безотчетно принимает эту информацию. Показано, что в основании так понятой коммуникативной доктрины лежат две мировоззренческие установки: антрополатрия и социолатрия.

Ключевые слова: коммуникация, рациональность, VIM-технологии, тоталитаризм, антрополатрия, социолатрия.

Невозможно, не поступаясь истиной, отрицать рациональную составляющую коммуникации. Живя в обществе, человек вынужден воспроизводить накопленный до него и выработанный им самим опыт. Такое воспроизводство может иметь как «горизонтальную», так и «вертикальную» природу. Под «горизонтальной природой» коммуникации будем понимать воспроизведение знания среди современников. Под «вертикальной природой» будем понимать воспроизведение знания для потомков. Очевидно, что «вертикальная форма» является общим случаем для «горизонтальной формы».

Воспроизведение знания является рациональным процессом. Это означает, что тот, кто приготавливает знание для усвоения, и тот, кто усваивает его, уже изначально должны обладать разумными (рациональными) способностями, в более слабом случае — быть биологически (генетически) предрасположенными к этому (1). На это обращает внимание Э. Гуссерль (2), допуская существование «трансцендентального субъекта» — Эго. Люди с ограниченными умственными способностями (олигофрены) не в состоянии приготавливать знание к усвоению и усваивать его в таком объеме, в котором это требует воспроизводство общества.

Итак, если коммуникацию понимать как условие получения, передачи и усвоения знания, то отдельного человека можно уподобить одной клетке огромного Сверхиндивида [1], передача информации которому вменяется по самому его существу.

Передавать знание от «донора» к «реципиенту» становится тем необходимее, чем мощнее, с точки зрения роста числа реципиентов, становится сам Сверхиндивид. Говоря проще — чем меньше число людей нуждается в передаваемой информации, тем *ниже необходимость* ее передачи и тем *меньше требуемая скорость* ее передачи.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 10-03-00085а).

Поясним. Если, например, во II в. д. э. было необходимо передать сообщение (письмо), допустим, из сицилийских Сиракуз в египетскую Александрию, то в нем не имело смысла сообщать о том, что на Сиракузы с северо-запада надвигается ураган, который дойдет до Александрии через день. Письмо бы все равно двигалось со скоростью «попутного ветра» и было обращено только к одному адресату. Предупреждать об урагане одного реципиента было не необходимо и одновременно бессмысленно в силу указанных причин.

Сверхиндивид тогда еще не был сочленен, оставаясь в «разобранном» состоянии — в виде отдельных географических, национальных и государственных фрагментов. Современное состояние Свериндивида затребует мобилизационную готовность каждого фрагмента — а в обозримом будущем и каждой клетки — стать по первому его требованию получателем и репродуктором информации.

Передача информации требует, чтобы передаваемая репродуктором информация была тождественна информации, представленной до этого в его собственное распоряжение.

Понятно, что в силу биологических, психологических и других особенностей человеку это сделать крайне трудно, а с учетом последних достижений в области компактификации и архивирования информации физически невозможно.

Очевидно, что выход просматривается только в области «машинизации» человеческих возможностей.

При этом важно учитывать еще одно свойство этой передачи, которое в большинстве случаев выпадает из поля зрения исследователей.

Речь идет о выработке в человеческом индивиде «чистоты поверхности канала, проводящего информацию».

Это означает, что *коммуникативные сообщества* (шире — *вся так называемая «коммуникативная практика»*) — различные «видеомосты», «ток-шоу», «дебать», «общественные обсуждения», «круглые столы», «дискуссии» и т. д. и т. п. — представляют собой не что иное, как *естественные тренажеры* по приведению каждого участвующего в них индивида к *стандартному виду*: индивид должен обеспечить выполнение названного требования — стать «чистым каналом, проводящим информацию».

Фактически это значит, что *каждый индивид* — в пределе — *должен предоставить всего себя в полное распоряжение «коммуникативному сообществу»* в качестве «тождественно передающей ячейки». Чем меньше в таком индивиде будет собственно индивидуального, тем большие гарантии он обеспечивает коммуникативному сообществу в том, что информация, поступившая «в него», не подвергнется каким-либо изменениям [1]. Таким образом, в современном обществе, которое некоторыми специалистами называется «глобальным», коммуникация оказывается не просто *необходимым условием* передачи информации, каковой она была и в «доглобальном обществе», но также *инструментом выработки* в человеческом индивиде способности «чистой ретрансляции информационных потоков».

В таком случае какую же роль играет рациональная компонента в передаче информации?

Как мы только что показали, рационализация передачи информации предполагает *стандартизацию* любого проводящего ее индивида. Однако мы знаем, что

рациональная деятельность имеет дело преимущественно с общими понятиями и универсальными процессами. Это, так сказать, область «всеобщего» — отсюда же и латинский термин *totalis*, означающий «весь, целиком, всеобщий».

В этом случае получается, что сообщество людей оказывается замкнутым и ограниченным требованиями стандартизации, наподобие закрытого полигона, в котором функцию «провода с высоким напряжением» выполняют сами *стандарты, задаваемые руководством этого полигона*. Перед нами возникает феномен «*информационно-коммуникативного лагеря*», в котором коммуникативная передача информации вменяется индивидам в качестве необходимого требования к их существованию.

Развитие событий по такому сценарию неминуемо ведет к иерархизации коммуницирующих индивидов, одни из которых оказываются во главе, определяя содержание самой информации и способы ее передачи — назовем их «*пастухами коммуникации*» (3), а другие оказываются в положении тех, кто вынужден следовать предписаниям (нормам и регламентам) пастухов коммуникации, назовем их «*коммуникативным сообществом (коммуникативным стадом)*», деятельность которого строго регламентирована коммуникативными стандартами.

Абсолютное большинство участвующих в этом процессе индивидов даже не будет подозревать о том, что их «рациональная деятельность» полностью подконтрольна и определяется извне. *Любая индивидуальная свобода будет подавляться — и уже подавляется — информационно с помощью «информационно-коммуникативных технологий»* (4). (Назовем их «*рег vim-технологиями*» (5), от латинского *per vim* — «насиленно, с принуждением». Или для удобства, опустив предлог — «*Vim-технологиями*».)

Почему это возможно? Потому, что коммуникация имеет в качестве главной основы — рациональную деятельность, которая чувственно невоспринимаема и, следовательно, *зрительно невидима* для абсолютного большинства коммуницирующих индивидов, живущих в мире обыденных представлений, опирающихся на чувственные данные и повседневный опыт.

Рациональные процедуры большинства коммуницирующих индивидов находятся в *естественном состоянии*, когда «мышление» и все с ним связанное воспринимается просто как естественная способность, без всякой рефлексии над ней. Это исчерпывающе объясняет причину такой высокой востребованности «коммуникативных практик» современными демократическими режимами. *Коммуникативные Vim-технологии*, обслуживающие эти демократические режимы, гарантируют их держателям — пастухам коммуникативного сообщества — выработку в человеческом индивиде чистоты поверхности канала, проводящего информацию.

Очевидно, что описанный только что сценарий является ничем иным как «*коммуникативным тоталитаризмом*». А поскольку в современном общественном сознании выработан предрассудок, согласно которому *тоталитаризм* связан только с «*внешним физическим принуждением*» (6), постольку в «информационно-коммуникативном лагере», опирающемся на (внешнее физическим средствам) рациональное принуждение, никто не видит для себя угрозы. Так тоталитаризм сегодня меняет свое обличье. Новая форма тоталитаризма воспроизводит в сознании

«коммуникативного сообщества» картинки и шаблоны отжившей формы — тоталитаризма, опиравшегося на формы физического принуждения.

Для чего это необходимо? Это необходимо для того, чтобы новая форма тоталитаризма пришла к безраздельному господству с минимальными для нее потерями и с условием *необратимости к дототалитарному состоянию*.

Чтобы гарантировано достичь этой цели, «коммуникативному сообществу» предлагается буквально «попинать дохлую собаку» — отжившие формы тоталитаризма, в которых господствовали физические (воспринимаемые чувственно) формы принуждения.

Как только весь периметр «информационно-коммуникативного лагеря» будет охвачен жестко контролируемым информационным ограждением, всем коммуницирующим индивидам будет объявлено, что человечество достигло наивысшей точки своего развития, зафиксировав это «достижение» в каком-нибудь очередном фальшивом лозунге, вроде «Коммуникативное участие каждого — залог благополучия всего человечества!».

Именно для того, чтобы предотвратить подобную катастрофу, сегодня каждый вменяемый человек — еще способный не отождествлять себя с «коммуникативным сообществом (стадом)» — должен отдавать себе отчет в своих действиях и прилагать все усилия, с одной стороны, для развенчания «коммуникативного мифа», за одеждами которого легко угадываются формы нового тоталитарного «информационно-коммуникативного лагеря», а с другой стороны, для предотвращения утверждения безраздельной власти информационно-коммуникативных *Vir*-технологий, непосредственно применяемых при строительстве этого лагеря.

Важная черта коммуникации состоит в том, что она является необходимым условием рациональной оценки знания (экспертиза). Простая передача информации может быть рассмотрена в терминах электромеханики — как испускание и поглощение сигнала.

С точки зрения такого подхода человек ничем не отличается от машины. Но человек — не машина. Он не просто передает и получает информационные сигналы, но и анализирует их (оценивает).

Способы анализа и системы оценки могут быть различными.

Наша привычка рассматривать любое поступающее знание как «истинное» или «ложное» — в чем видится именно рациональная способность отношения человека к знанию и миру (7) — не должна заслонять главного: «истина» и «ложь» — тоже всего лишь *выделенные оценки суждений!*

Чем рациональнее система оценок в коммуникации, тем она эффективнее. Например, информация о том, что «на Владимирскую область надвигается ураган» может быть оценена и как «истина—ложь» и как «полезная—бесполезная».

Если получивший это сообщение находится в этот момент в Москве, то есть за 200 километров от Владимира, то он остается по отношению к ней нейтральным и ему достаточно ее оценить либо как «истину», либо как «ложь».

Но если получивший ее сам находится во Владимирской области, то он оценит ее, прежде всего, как «полезную» или «бесполезную».

Получивший эту информацию произведет соответствующие действия, чтобы предотвратить возможные угрозы, связанные со здоровьем, имуществом и т.д.

Вообще говоря, абсолютно выделенной системы оценок в коммуникации не существует, ведь их может быть огромное множество: «возможный — невозможный», «истинный — ложный», «правильный — неправильный» и т.д.

Оценки, как мы знаем, могут быть двузначными, трехзначными и сколь угодно многозначными. В связи с этим возникает естественный вопрос: а зачем системе оценок нужна коммуникация? Она необходима для того, чтобы сравнивать оценки. Ибо, сравнивая оценки, мы приближаемся к некой средней — усредненной оценке — общезначимости. Именно это усреднение и порождает *иллюзию объективности*.

Более того, это один из главных пороков всей коммуникативной программы — замещение объективности интерсубъективностью. Кто из нас не бывал сражен аргументом, когда на ваш вопрос «Почему так?» вам непринужденно отвечали «Так все считают (говорят)».

Так в чем же рациональность коммуникации? В том, что предложение «оценок», их выбор опирается в большинстве случаев на рациональные аргументы: выбор должен иметь свое *основание*. При этом основание выбора должно быть уже заранее обосновано еще более глубоким основанием [3] или как аксиома принято за самоочевидное положение.

Таким образом, получается, что «оценки» — это, в конечном счете, наши собственные *основания*.

А что же есть основание?

Для ответа на этот вопрос мы либо вынуждены снова признавать, что это система наших оценок, тогда возникает круг, либо просто свидетельствовать, что это и есть «человекомир», причем такой, каким он открывается именно нам, каждому индивидуально и всем вместе. Серьезных альтернатив такому объяснению просто не существует (8).

Итак, оценивая то или иное сообщение, мы помещаем его в пространство собственных оценок-оснований. При этом основные положения собственных взглядов мы считаем чем-то вроде аксиом — они для нас естественны, самоочевидны и поэтому незыблемы. В этом пространстве оценок для полученного сообщения мы находим его координату в собственном аксиологическом многообразии.

Что значит «находим координату»? Это и значит, что мы определяем место сообщения по отношению к оценочным осям. При этом часто координаты оказываются мнимыми. И тогда мы вынуждены подвергать критике полученное информационное сообщение.

К этому пониманию коммуникации приближается Хабермас. При этом он утверждает, что участник коммуникации постоянно прецезирует свою позицию в отношении говорящего и обсуждаемого вопроса — соглашаясь или отклоняя претензии говорящего.

Но далее, к сожалению, Хабермас (и идущие за ним) субстантивирует коммуникативный процесс, утверждая, что значения (смыслы) возникают в коммуникации. В этом с Хабермасом трудно согласиться.

На наш взгляд, более адекватной является позиция, согласно которой не существует таких слов (имен), которые бы были предложены не отдельным индивидом, а обществом (в данном случае коммуникативным сообществом), то есть

были бы введены не индивидуально, коммуникативный процесс лишь воспроизводит значения (смыслы), а также способствует их критике, анализу и прецедированию. Это значит, что сами по себе критика, анализ и прецедирование имеют своим предметом индивидуально введенный в язык термин (понятие), а вместе с ним — и его значение. (Хотя вполне оправданно допустить, что значение термина (имени) со временем претерпевает изменения.)

В коммуникации есть и еще одна важная функция, связанная с продвижением собственных понятий и утверждений для широкого применения. Коммуникация позволяет утверждения и стоящее за ними «пространство оценок» сделать общезначимым. (Заметим, что речь идет не об объективности, но об общезначимости.)

Индивид манифестирует свои утверждения — неважно, атрибутивные ли они высказывания или просто иллюкутивные акты. Эта манифестация обращена к другим участникам коммуникативного сообщества. Но не только к ним.

Например, обнаруженные криптограммы Леонардо да Винчи не были обращены к коммуникативному сообществу, которое его окружало. Как можно предположить, Леонардо обращался не к участникам коммуникации, он просто выражал свое состояние, свои взгляды, свои ценности, безотносительно к тому, будут прочтены его обращения когда-нибудь или нет.

Этот пример еще раз подтверждает нашу позицию: когда человек говорит, он обращается не только и не столько к другим людям, сколько к *миру*.

Социоцентристский подход (я рассматриваю «*социолатрию*» как частный случай «*антрополатрии*») тем и хорош, что он позволяет воочию увидеть главный порок современной эпистемологии — убеждение в том, что коммуникация возможна только между людьми. Вместе с тем человек в такой же мере общается с миром, в какой он общается с себе подобными. Простейшей антропоцентрической формой такого общения — что признается сегодня подавляющим большинством исследователей — является *эксперимент*. В эксперименте человек принудительно задает природе вопросы, а она, понуждаемая им, выдает ему ответы.

Как видим, коммуникативные Vim-технологии возникли задолго до того, как их объектом становится само общество. Первоначально они были применены к природе (Космосу).

Причем чем сложнее по своей организации эта область природы, тем все сложнее понуждать ее к однозначному ответу. Я имею в виду квантовую механику, квантовую космологию в частности.

Как мы знаем, Э. Шредингер допускал «свободу воли» у электрона. Некоторые современные авторы, например, А.А. Гриб, М.Б. Менский и др., идут в интерпретации квантовой механики еще дальше [2]. Итог прост: человек общается и с миром и с человеком как малой частью этого мира.

Таким образом, представления о природе как только о *res extensa* оказались на поверку столь наивными [3], что постоянно подвергаются ревизии и пересмотру. Мы должны прямо заявить: мир в целом (и в своих частях) является для человеческого индивида таким же полноправным собеседником, каким является другой человек или человечество в целом. Антрополатрия, наконец, должна быть сброшена со своего пьедестала, на который она сама себя водрузила в европейской культуре полторы тысячи лет назад. А вместе с ней и вся обслуживающая ее мифология с тезисом о «богоизбранности» и исключительности человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) На это могут возразить таким образом, что, мол, *собственное сознание* человек не получает от природы в готовом виде, но формирует его в процессе коммуникации, живя и обучаясь в обществе. Отрицать это невозможно. Однако суду истории не было представлено ни одного случая, чтобы «ученым» или «поэтом» стала обученная в коммуникативном сообществе обезьяна (*высший примат*). Это может означать только одно — *человеческое существо* (телесно и умственно) изначально предрасположено к рациональным процедурам.
- (2) «Это можно понять, — говорит Гуссерль, — по аналогии с тем, как, исходя из трансцендентального истолкования припоминания мы уже понимаем, что к припомненному, к прошедшему ... принадлежит также прошлое Я того настоящего, в то время как действительно изначальное Я есть Я актуального присутствия.... Следовательно, актуальное Я совершает действие, в котором оно конституирует возможный модус самого себя как сущего (в модусе прошлого)... *Методически раскрыть трансцендентальную intersубъективность и ее превращение в трансцендентальное сообщество можно, лишь исходя из Эго и системы его трансцендентальных функций и действий* (курсив мой — А.П.)» (*Husserl E. Phänomenologie der Intersubjektivität. — Den Haag, 1973. Т. 2. S. 189*).
- (3) Здесь читателя не должно смущать использование подобной терминологии. Мы воспользовались уже существующими в европейской культуре на протяжении полутора тысяч лет религиозными терминами, употреблявшимися всякий раз, когда речь заходила о религиозной общине: «стадо Христово» и «пастухи стада Христово». Мы лишь придали им светский, секуляризованный смысл.
- (4) Природа эсхатологической формы современной техники, призванная обеспечить наступление эпохи, когда «старцы будут умирать юношами», как раз и способствует «информационному охвату максимально большего количества коммуникаторов».
- (5) В качестве показательного примера применения Vim-технологии в отношении «глобального коммуникативного сообщества», который, несомненно, войдет в учебники по «созданию информационно-коммуникативного пространства с заранее заданными свойствами», можно привести коммуникативный обмен информационными сообщениями во всех без исключения *мировых средствах массовой информации* о событии в Северной Осетии в августе 2008 г., когда все мировые телеканалы демонстрировали бомбардировку Цхинвала грузинской армией с помощью реактивных снарядов, а информатор за кадром сообщал, что российские войска совершают оккупацию Грузии. Коммуникативное сознание, воспринимающее подобную информацию — *насилуно (per vim) принуждалось к восприятию строго определенного стандарта получаемой информации*, определяемого пастухами коммуникации.
- (6) Создатели *информационно-коммуникативного лагеря* обычно рисуют в сознании «рядовой коммуникативной ячейки» визуальные картины прошлых отживших форм Vim-технологий: изображения концентрационных лагерей (В России — ГУЛАГа), камеры пыток, тела повешенных и расстрелянных, залитые кровью и слезами письма испытуемых и т.д. и т.п. Главная цель демонстрации этих «визуальных рядов» — сформировать в коммуникативном сообществе устойчивое убеждение: *утрата свободы индивидом связана с физическим и только физическим принуждением*.
- (7) Иногда можно встретить точку зрения, согласно которой знание можно поделить на «рациональное» (логическое) и «ценностное». Не уменьшая значение этого подхода, лишь обратим внимание на то, что внутри рациональной компоненты знания содержится ценностная компонента — сама процедура *оценки* знания.
- (8) Я почти физиологически ощущаю возмущение какого-нибудь скептика или релятивиста. Но разве можно серьезно рассматривать фундаментальность «конвенций» или «условностей», благодаря которым летают самолеты, стригут газонокосилки, взбивают коктейли кухонные комбайны!

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Павленко А.Н.* Возможность техники. — С.П.г., 2010. — Гл. 3.
- [2] *Гриб А.А., Менский М.Б.* в сборнике «Философия науки. Выпуск 14». — М.: ИФРАН, 2009.
- [3] *Павленко А.Н.* Античный космос и современная космология // Физика, космология, культура. — М.: ИФРАН, 2011.
- [4] *Павленко А.Н.* Является ли коммуникативная программа обоснования знания универсальной? // Вопросы философии. — 2009. — № 11.
- [5] *Pavlenko A.* Husserl, Wittgenstein, Apel: commutative expectations and communicative reality // Papers of the 32nd International Wittgenstein Symposium, Kirchberg am Wechsel, 2009. — Vol. XVII. — P. 332—334.
- [6] *Павленко А.Н.* Коммуникативная доктрина морали и права: признание до обоснования // Мир человека: нормативное измерение-2. — Саратов, 2010.
- [7] *Pavlenko A.N.* What Makes «Communication» Possible? // Вестник РУДН. Серия «Философия». — 2011. — № 2.
- [8] *Павленко А.Н.* Теорема о «затылке» // Вопросы философии. — 2005. — № 2.
- [9] *Павленко А.Н.* Конечное *Все* бесконечной Вселенной (роль парадоксов в intersubъективном обосновании космологического знания) // Вопросы ВИИЕТ. — 2007. — № 2.
- [10] *Павленко А.Н.* Круг в обосновании intersubъективной программы в эпистемологии // Философия науки. — Вып. 14. — М.: ИФ РАН, 2009.

COMMUNICATION — A CONDITION OF THE TRANSFER OF KNOWLEDGE AND TECHNOLOGY IPMLEMENTATION VIM

A.N. Pavlenko

Department of Logic and Epistemology
Institute of Philosophy
Russian Academy of Science
Volkhonka str., 14, Moscow, Russia, 119991

This paper examines the relationship of the communication process with rational procedures. It is shown that due to the rational component of the “communication process” is not recognized at the everyday level as the process is regulated and controlled. In this regard, we introduce a special term “VIM-technology” — technology, “coercing” member communications to take a well-defined information. The use of VIM-technology allows you to emphasize communicative community in that group, which provides information with predetermined properties, and the other group, which instinctively takes this information. It is shown that under the so-understood communicative doctrine is based on two worldviews: antropolatriya and sotsiolatriya.

Key words: communication, rationality, VIM-technology, totalitarianism, antropolatriya, sotsiolatriya.